

РУССКАЯ ЗИМА

Г. СЫСОЕВ

«Русский мужик ленив, вороват и темен», — любят говорить о России и русских. Все это в той или иной мере действительно свойственно русскому человеку, хотя и не только ему. Однако невольно задаешься вопросом: мог ли ленивый и бездарный народ освоить одну пятую часть земной поверхности, причем освоить под носом у великой китайской империи, потеснив или вобрав в себя скифов, татар, сарматов и множество других народов? Легко ли присоединить и на протяжении столетий развивать исключительно тяжелые для освоения регионы Урала, Сибири и Аляски?

Великая монгольская цивилизация тоже покоряла обширные земли, только ничего в этом мире нельзя удержать силой. Приходит время, и империи распадаются. Россия — одна из самых больших империй — благодаря терпению и уживчивости русских могла бы просуществовать сколь угодно долго, если бы не Октябрьская революция с ее террором и недальновидной национальной политикой. Многочисленный русский народ, как основание и костяк империи, оказался исключителем тем, что всегда был аномально терпим к другим культурам и обычаям.

Вопреки тютчевской поэтической формуле, понять Россию можно и нужно. Особенности национального характера лучше всего открываются через образ жизни народа и его историю. Один из основных факторов, сформировавших русский характер, — климат. Выживать в условиях суровой зимы трудно даже теперь, а наши предки существовали так тысячи лет. За короткое дождливое лето надо успеть так много — вот русский мужик и крутился от зари до зари: урожаем, дрова, сено, скотина, дом, одежда, заготовки впрок, — все должно быть сделано, а иначе холодная или голодная смерть. Немецкий педантизм здесь не проходит, — тут нужен мощный рывок без расслаблений и излишней скрупулезности, на которую просто нет времени, надо осилить главное. Зима — вроде бы период некоторой передышки, но требует напряжения всех сил в противостоянии суровым погодным условиям. И кроме того необходимо охотиться, рыбачить, топить дом и готовиться к лету. Кстати говоря, соборность и коллективизм русских тоже связаны с суровым климатом. Если семья не успевает отстроить дом к холодам, то, навалившись всем миром, ей помогает община. Дом будет поставлен

до снега, даст кров и тепло, а огрехи, — да Бог с ними! Русский мужик — человек сметливый и хваткий, но на деталях и нюансах зависать не любит, — ему важно основное. Кругом столько опасностей, что на жизнь приходится смотреть либо философски, либо фатально. Богатство как цель жизни сомнительно, — набегут татары и все сожгут, или свои же придут и отнимут. Выжить в таких условиях может человек бесшабашный, но умеющий быстро собраться; ленивый до поры, но шустрый при необходимости; простодушный, но себе на уме; обыкновенно мирный и терпеливый, но самоотверженный и беспощадный, если довести до крайности.

Сила и смекалка — ресурс выживаемости русского человека. Неприхотливость и умение довольствоваться малым — его защитный панцирь. Русские пассивны и расслаблены во времена стабильности, их ум, талант и смелость проявляются когда, как говорится, жаренный петух клонет. Готовность к напастям и потерям сформировала философское отношение к утрате собственности и это вовсе не пофигизм, как принято считать. Добродушие, щедрость и снисходительность с одной стороны, долготерпение с другой происходят из умения отстраниться от материального, и отдаться идее, вере, творчеству. Этот иррационализм не такая уж бесполезная вещь, как может показаться на первый взгляд. Когда жизнь невыносима, когда ситуация кажется безысходной, способность послать весь мир сами знаете куда, все бросить и уйти в запой или в лесную землянку дает шанс спасти рассудок, а подчас и жизнь.

Эти, мягко говоря, не самые благоприятные условия и породили удивительный по своей привлекательности, трогательности и противоречивости русский тип. Он-то и освоил огромные пространства, живя бок о бок с самыми разными народами, цивилизовал такие северные места, где, казалось, и жить-то невозможно. Все эти без преувеличения великие дела он совершал с простодушной улыбкой Иванушки-дурачка, а если надо — и насупившись, как Илья Муромец. И все бы было у него прекрасно, если бы не потребность периодически пойти в разнос и все разломать бессмысленно и беспощадно. Но я не об этом, я всего лишь о русской зиме, которая в жизни нашего человека и мощный пресс, и кузница характера, и, в конце концов, праздник души.

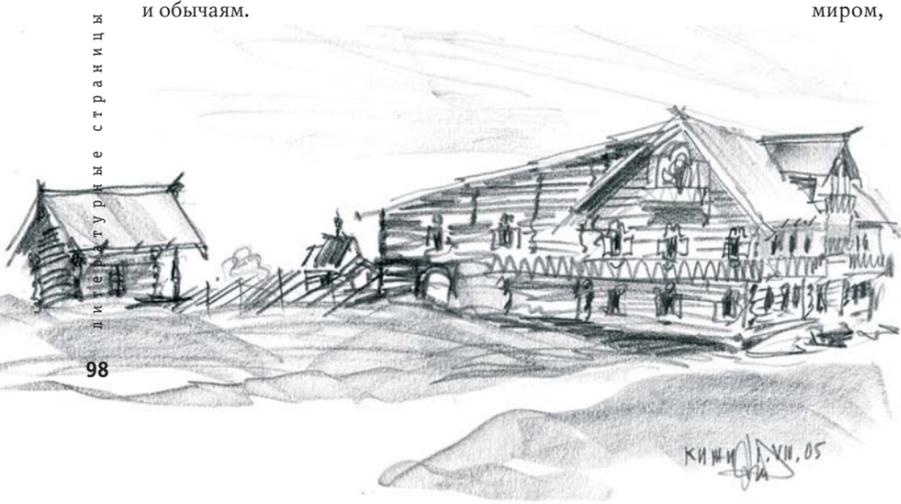
Почему русские так любят зиму? Все просто: они ее не боятся, они ее победили. Русская зима породила русскую печь, русскую баню, русские сани, русское веселье и, конечно, русскую водку. Зима — это и щит от врагов: засеки, мороз и бездорожье надежно защищали русских. Зима — это бодрящий экстрим, стимулирующий, закаляющий, возрождающий. Зимние пейзажи философски обобщенны, большей частью поэтичны и грустны, что неизбежно отразилось на восприятии жизни, фольклоре и поэзии нашего народа.

Прошлой зимой я предложил своим друзьям съездить в Карелию на Онежское озеро к моему брату и компаньону Федору. Сергей, зябко поеживаясь, сказал: «Снега и холода это не предел мечтаний, да и комфорт не тот, что где-нибудь в Альпах». «Вы не любите зиму? Да вы просто не знаете ее прелестей», — уверил я, и решение было принято. Мы купили билеты и сели в ночной поезд до Петрозаводска. Сергей, о котором я уже писал, всех порадовал кулинарными изысками, собственноручно приготовленными в дорогу. Закуска в виде салатов и жареного поросенка была великолепна. Мирно беседуя под стук колес, мы коротали дорогу. Утром, прибыв на место слегка помятыми после вчерашних посиделок, но веселыми, мы выгрузились из вагона и, обнявшись с Федором, потребовали чашечку утреннего кофе. Петрозаводск — один из самых цивилизованных, компактных и симпатичных городов северной части России, казалось, был празднично приветлив зимним пронзительным солнцем и хрустальным морозным воздухом. Расположение города и его планировка, ориентированная на Онежское озеро — крупнейший в Евро-

пе резервуар чистой пресной воды — придавало городу «приморский» вид. Побалагурив в кофейне с карельскими официантками и выпив по чашечке хорошего эспрессо, мы отправились в порт, предварительно затарившись в магазинах продуктами и местным спиртным — водкой «Гарант» и финским пивом «Лапин культа».

В порту Онега предстало нам бескрайним «белым безмолвием», уходящим за горизонт, отороченным изумительно синим небом сверху и белым снегом, щедро укрывшим все, снизу. У причала нас ждало диковинное на вид судно на воздушной подушке, придуманное русской смекалкой специально для покорения ледяных и снежных просторов, — шестиместный «Хивус» нижегородского производства. Володя, наш капитан летом и водитель «Хивуса» зимой, не без гордости называл судно звездолетом, был собран, энергичен, сосредоточен и мороза, похоже, несколько не чувствовал. С непокрытой головой, ладной гибкой фигурой и загорелым лицом он вызывал уважение ухватистой ловкостью и полной адаптированностью к русской зиме. В салоне было аскетично — ничего лишнего, но вполне удобно, уютно и тепло. Вместе с Федором нас было шестеро — полный комплект. Шум винта, легкая вибрация, взметнувшийся снежный вихрь, и наш чудо-корабль, все быстрее разгоняясь, заскользил в снежную пустыню. На скорости 60–70 километров в час, почувствовалась

литературные странички

2006/6